

УИЛЛ ХАНТ

ПОДЗЕМНЫЙ МИР

НИЖНИЕ ЭТАЖИ
ЦИВИЛИЗАЦИИ

Уилл Хант
**Подземный мир. Нижние
этажи цивилизации**

pdf

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57264553
Издательство ООО Олимп-Бизнес, www.olbuss.ru; 2020
ISBN 978-5-9693-0416-1*

Аннотация

В своей дебютной книге путешественник и журналист Уилл Хант рассказывает об уникальных подземных экспедициях в разных частях света. Вместе с ним мы прогуляемся по заброшенным станциям нью-йоркского метро, полюбуемся памятниками палеолита в Пиренеях, спустимся в древнейшие шахты на Австралийском континенте, совершим паломничество в обитель богов майя. Неутомимый путешественник познакомит нас с людьми, причастными к «нижнему миру»; среди них известные ученые и неуловимые диггеры, старейшины туземных племен и краеведы-энтузиасты. Приобщаясь к тайнам природы и истории, автор ищет ответы на вечные вопросы: кто мы? откуда пришли и куда идем?

Удивительная повесть о приключениях в естественных и рукотворных подземельях сопровождается экскурсами в науку о Земле, биологию, мифологию и архитектуру.

Издание предназначено всем, кого привлекают экстремальные путешествия и поиски затерянных следов человеческой цивилизации.

Содержание

Глава 1

7

Конец ознакомительного фрагмента.

43

Уилл Хант

Подземный мир

Нижние этажи цивилизации

Will Hunt

UNDERGROUND

A human history of the worlds beneath our feet

Copyright © 2018 by Will Hunt

Published in the United States by Spiegel & Grau, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC, New York.

Научный редактор – кандидат биологических наук
Н. С. Маслова

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или ее части в любом виде воспрещается без письменного разрешения издателя.

A member of:



Business Publishers Roundtable.com

© Will Hunt, 2018. All Rights Reserved



© Перевод на русский язык, издание, оформление. Издательство «Олимп-Бизнес», 2020

* * *

Моим родителям, которые всегда ждут меня на поверхности

Природа любит скрываться.
ГЕРАКЛИТ. «ФРАГМЕНТЫ»

Глава 1

Спуск

Другой мир существует, и он – часть нашего.
ПОЛЬ ЭЛЮАР



Ищите его признаки везде на своем пути. Выходя из дома, прислушайтесь: в воздухе стоит гул, исходящий от туннелей метро и проводов, поросших мхом акведуков, пневматических трубопроводов, которые переплетаются друг с другом, как нити гигантского ткацкого станка. В конце тихой улочки обратите внимание на пар, поднимающийся из вентиляционной шахты, – возможно, он вырвался из подземного туннеля, где в ветхих хижинах живут маргиналы, или из секретного бункера с толстыми бетонными стенами, предназначенного для представителей элиты на случай конца света. Гуляя по лугу, где мирно пасется скот, прикоснитесь к травянистому холму, – быть может, под ним покоятся останки неизвестной воительницы или простирается длинный изогнутый скелет доисторического животного. Проходя по тенистой лес-

ной тропе, приложите ухо к земле, – вы услышите, как по узким, спиралевидным дорожкам древнего города, погребенного под толщей земли, разбегаются муравьи. Поднимаясь в предгорья, вы почувствуете сырой запах земли, исходящий из узкого проема, что ведет в скрытую от глаз огромную пещеру; ее каменные стены украшал углем первобытный человек. Куда бы вы ни направились, ноги ваши ощущают вибрации, идущие из глубин земли; здесь, заставляя сотрясаться всю планету, перемещаются и сталкиваются друг с другом гигантские каменные массивы.

Будь поверхность Земли прозрачной, мы бы целыми днями лежали на животе и всматривались в удивительный многорусный пейзаж под нашими ногами. Но мы, обитатели солнечного наружного мира, заняты своей жизнью, а мир подземный для нас всегда был невидим. Английское слово, означающее «ад» (hell), происходит от праиндоевропейского корня **kel-* («скрывать»); древнегреческое «Аид» переводится как «невидимый». Сегодня к нашим услугам новейшие технические средства – георадары, магнитометры, – предназначенные визуализировать подземный мир. Однако даже самые четкие изображения получаются слишком размытыми, и нам, подобно Данте, приходится вглядываться во мрак, который «был так темен, смутен и глубок, / что я над ним склонялся по-пустому / и ничего в нем различить не мог»¹. Подземный мир, невидимый глазу, является самым

¹ Данте Алигьери. Божественная комедия / перевод М. Лозинского. М.: Наука,

абстрактным ландшафтом нашей планеты и представляет собой скорее символ, нежели конкретный локус. В английском языке слово «underground» («подземный») используется в таких выражениях, как «теневая экономика», «закрытая вечеринка», «неизвестный артист», – и описывает не место, а скорее *чувство*: нечто запретное, неназываемое, за пределами известного и привычного.

Как «визуальные» существа, – а наши глаза, по словам Дианы Аккерман, «монополисты всех наших чувств», – мы и не задумываемся о существовании мира вне нашего поля зрения. Мы – шовинисты, предпочитающие то, что находится на поверхности. Самые прославленные исследователи направлялись наружу и вверх: мы прыгали на поверхности Луны, исследовали вулканы «красной планеты» на марсоходах, наблюдали за электромагнитными бурями в дальнем космосе. Между тем подземное пространство нашей планеты сегодня доступно как никогда. По оценкам геологов, более половины пещер мира не исследованы и погребены под непроходимым слоем земной коры. Путешествие от нашего местонахождения до центра Земли сопоставимо с поездкой из Нью-Йорка в Париж, однако земное ядро – это своеобразный «черный ящик», существование которого мы принимаем на веру. Самое глубокое вторжение человека в земную кору – Кольская скважина в Арктике, глубина которой составляет 12 262 м. Это меньше половины процента расстояния до центра Зем-

ли. Подземный мир – призрачный пейзаж, расстилающийся повсюду под нашими ногами и вечно ускользающий от взгляда.

Впрочем, уже ребенком я знал, что подземный мир *не всегда* невидим – и в некоторых случаях может быть доступен людям. В старом издании «Мифов Древней Греции» д’Олера из библиотеки моих родителей я читал про Одиссея, Геракла, Орфея и других отважных героев, которые спускались в подземелье по скалистым проходам, переправлялись через Стикс на ладье Харона и, избегнув встречи с трехголовым Цербером, вступали в Аид, царство теней. Особенно поразил мое воображение Гермес, посланник богов в крылатом шлеме и сандалиях, ведающий границами и пределами и сопровождающий души усопших в царство мертвых (именно поэтому Гермесу принадлежит почетный титул «*психопомп*», что означает «проводник душ»). В отличие от других богов и смертных, соблюдающих границы миров, он беспрепятственно скользит между светом и тьмой, в небесах и под землей. Гермес (который станет покровителем моих подземных путешествий) был единственным подлинным исследователем мира под нами. Перемещаясь сквозь время и пространство с точностью и изяществом, он *видел* подземный мир и обладал ключом к его потаенной мудрости.



Джамблонья; Меркурий, 1564 г. © akg-images

В то лето, когда мне исполнилось шестнадцать, а мир, казалось, мог уместиться в моих ладонях, я вдруг обнаружил, что под моим районом в городе Провиденс, штат Род-Айленд, проходит заброшенный железнодорожный туннель. Я узнал о его существовании от школьного учителя естествознания – невысокого усатого человечка по фамилии Оттер², который знал, где находится каждая невидимая для глаз рывина в Новой Англии. Он рассказал мне, что туннель когда-то использовался для обслуживания небольшой грузовой линии, но с тех пор прошло много лет. В наши дни он превратился в развалины – грязные, затхлые, забытые; теперь там копился всевозможный мусор.

И вот, как я однажды выяснил, вход в туннель был спрятан в зарослях кустарника на задворках стоматологической поликлиники. Его ворота поросли диким виноградом, на бетонном покрытии выше была выбита дата постройки – 1908 год. Городские власти отгородили вход железной калиткой, но кто-то проделал в ней небольшой лаз, и мы с друзьями пробрались в подземелье. Лучи от наших фонариков скрещивались в темноте, грязь липла к ногам, в воздухе пахло болотом. С потолка свисали гроздьа сталактитов жемчужного цвета, напоминавшие соски на коровьем вымени; с них на нас капала вода. Дойдя до середины туннеля, мы решили испытать себя и выключили фонари. На нас опустилась темнота, и мои друзья закричали – хотели услышать, насколько

² Оттер – от *англ.* otter «выдра». – *Примеч. переводчика.*

далеко раскатится эхо; я же затаил дыхание и стоял без движения – словно, если пошевелюсь, меня унесет с поверхности земли. В тот же вечер я открыл дома старую карту Провиденса и проследил пальцем наш путь – от входа до выхода на другом конце города... и не поверил своим глазам: туннель проходил почти прямо под моим домом.

В то лето меня часто оставляли одного, и я надевал сапоги и отправлялся бродить по туннелю. Я не смог бы объяснить, почему меня тянуло в подземелье, у меня не было какой-то конкретной задачи. Я рассматривал граффити или лениво пинал пустые бутылки. Иногда я выключал фонарь, чтобы выяснить, сколько смогу продержаться в темноте, пока не начну нервничать. В свои шестнадцать лет я задумывался над тем, что такие прогулки в общем мне несвойственны: я был подростком робким, худощавым, с редкими зубами, вдобавок носил большие очки. В то время как ровесники уже знакомились с девушками, я заботился о древесных лягушках, которых держал в террариуме у себя в комнате. Я читал книги о приключениях других людей, и при этом мне никогда не приходило в голову отправиться навстречу собственным. Но этот туннель меня заинтриговал: по ночам я лежал в кровати – и мне не давало покоя, что он проходит под моей улицей.

В конце того лета, после сильной грозы, я однажды спустился в туннель и внезапно услышал грохот откуда-то из темноты передо мной. Я испугался и поначалу решил вер-

нуться, но всё же решил идти дальше, хотя звук и усиливался. Через какое-то время я обнаружил источник шума: из трещины в потолке – возможно, из-за протечки или прорванной трубы – каскадом лилась вода. Под водопадом я заметил перевернутое пластиковое ведро. Затем – банку из-под краски. И наконец – еще десятки опрокинутых емкостей: нефтяные бочки, пивные банки, контейнеры Tupperware, бензиновые канистры, банки из-под кофе, – всё в огромной куче, собранной при загадочных обстоятельствах неизвестным мне человеком. Вода барабанила по ним, вверх уносилось звонкое эхо, а я стоял в темноте, не в силах пошевелиться...

Прошли годы, и я больше не вспоминал свои подземные прогулки. Я уехал из Провиденса и поступил в институт, началась совсем другая жизнь. Но я не навсегда забыл свои подростковые переживания. Подобно тому как бесшумно укореняется и вызревает в толще земли семя, прежде чем дать ростки на поверхности, воспоминания о вылазках под землю годами хранились в сундуке моей памяти. Лишь много позже, после нескольких неожиданных открытий, связанных с подземным миром Нью-Йорка, я мысленно вернулся к своим подростковым блужданиям во мраке и к загадочному «алтарю» из ведер и канистр. Стоило мне разбередить эти воспоминания, как они захватили меня с такой силой, что перевернули мой мир и навсегда изменили представление о себе и месте в жизни.

Со временем я вновь полюбил подземелья – за тишину и эхо. Мне нравилось, что даже короткая вылазка в туннель или пещеру становилась путешествием в параллельную реальность, подобно тому как в романах для детей и юношества герои через порталы перемещаются в тайные миры. Мне нравилось, что спуск в подземелье всегда был веселым приключением в духе Тома Сойера и вместе с тем позволял встретиться лицом к лицу с вечными и древнейшими страхами человечества. Мне нравилось рассказывать истории о подземельях – о старинных диковинках, обнаруженных под городскими тротуарами, или о ритуалах, проводимых в пещерах, – и видеть восхищение в глазах друзей. Но больше всего меня привлекали такие же мечтатели и чудачки, которых так же притягивал подземный мир: люди, последовавшие на зов и посвятившие себя исследованию мира, творчеству или созерцанию, к которым он располагает. Люди, уступившие своей страсти. Как мне казалось, я понимал – во всяком случае, хотел понять – этот порыв души. Я поверил, что там, в глубине и темноте, я парадоксальным образом найду источник света и знания.

За несколько лет я убедил исследовательский фонд, потом различные журналы, потом книжное издательство спонсировать мои поиски. Я тратил их деньги (снова и снова) на изучение подземелий в разных уголках мира. Больше десяти лет я спускался в каменные катакомбы, заброшенные станции метро, священные пещеры и ядерные бункеры. Поначалу я

пытался понять, что именно увлекает меня в подземелье, но с каждым последующим спуском вниз я всё больше вслушивался в отзвуки подземного мира – и мне по частям открывалась цельная картина. Я понял, что мы – все мы, всё человечество – всегда слышим этот еле уловимый гул, исходящий из-под земли, что мы так же связаны с этим незримым миром, как с собственной тенью. С того времени, когда наши предки стали рассказывать истории о местности вокруг них, пещеры и другие пространства, расположенные под нашими ногами, пугали и зачаровывали нас, становясь предметом страхов и вымыслов. Я обнаружил, что подземные миры проходят сквозь нашу историю невидимой нитью: так или иначе влияя на нас, они сформировали наше представление о себе и, отчасти, саму нашу цивилизацию.



Стив Данкан

ПОДЗЕМНЫЙ МИР ОТКРЫВАЛСЯ МНЕ ПОСТЕПЕННО. Образно говоря, сначала под ногами образовывались небольшие трещинки, потом словно бы сам собой распахнулся люк. Всё началось в мое первое лето в Нью-Йорке, когда я работал в редакции журнала на Манхэттене и жил в Бруклине вместе с тетей, дядей и кузенами – Расселом и Гасом. Подростком я много лет представлял себе, как останусь в Нью-Йорке и часами буду гулять по Манхэттену, наслаждаясь атмосферой ночного города, ловя отсветы из каждого освещенного окна. Но в какой-то момент я осознал, что город невозможно ни понять, ни почувствовать. Я раство-

рялся в толпе, робел перед владельцами местных магазинчиков, чувствуя себя безнадежным провинциалом и не решаясь спросить дорогу у прохожих, по ошибке проезжал нужную станцию метро и в итоге всегда оказывался в Бруклине.

Однажды поздним вечером, чувствуя себя особенно подавленно, я спустился в метро в Нижнем Манхэттене и ждал поезда. Платформа была глубокая, одна из тех, на которых в летние ночи словно слышишь запах гранитного «фундамента» города. Внезапно передо мной открылось занятное зрелище. Из темноты туннеля вышли двое молодых людей: на каждом – налобные фонарики; лица и руки – черные от копоти, словно бы несколько дней они пробирались по пещере глубоко под землей. Они быстро прошли по путям, взобрались на платформу и, обойдя меня, поднялись по лестнице и исчезли в толпе. В тот день я ехал домой, прижавшись лицом к окну вагона, вскоре запотевшему от моего дыхания: я представлял себе подземные пространства – похожие на ячейки в сотах, не известные никому, скрытые под улицами городов.

Эти молодые люди в налобных фонариках были представителями неформального нью-йоркского сообщества городских исследователей, посвящавших всё свое свободное время посещению закрытых для посещения и потайных мест, расположенных под землей. То было «королевство многих племен»: историки, запечатлевавшие позабытое величие города; энтузиасты, для которых важен был символический

момент соприкосновения с этой сферой; художники и артисты, устраивавшие в темных подземельях инсталляции и спектакли для узкого круга посетителей. В те несколько недель страстного постижения Нью-Йорка я допоздна изучал фотографии подземных объектов – десятилетиями заброшенных станций метро, вентиляционных помещений системы водоснабжения, почти разрушенных и пыльных бомбоубежищ: всё это вызывало чувство сопричастности к тайне, как если бы мне удалось прокатиться на неведомом морском чудище, бороздившем глубины океана тысячелетия назад.

Как-то ночью, перебирая архивы одного фотографа, я наткнулся на фото туннеля в Провиденсе, в который спускался подростком, – и невольно вздрогнул. Много лет не вспоминал я об этом месте: рельс, убегающий в темноту, дата «1908 [г.]», выбитая над входом. Личный характер этой случайной «встречи» с местом моего детства даже настораживал: словно кто-то, проникнув в мое сознание, открыл люк, и на поверхность стаей птиц выпорхнули давно забытые воспоминания. Фотографа, как я потом узнал, звали Стив Данкан. Это был видный, талантливый и, наверное, немного сумасшедший человек, позже ставший моим первым проводником в подземный мир.

Мы познакомились во время дневной поездки в Бронкс³

³ Бронкс – район (боро) города Нью-Йорк; единственный из пяти боро, находящийся на континенте. В состав города Нью-Йорк также входят острова близ континента; формально они относятся к тому или иному боро. – *Примеч. редактора.*

– Стив планировал спуститься в одну из сточных труб района. Он был на шесть или семь лет старше меня, блондин с голубыми глазами, поджарый, с телосложением альпиниста. Стив стал исследователем подземных коммуникаций, когда учился на первом курсе Колумбийского университета⁴: он тайком спускался в систему паровых туннелей, расположенных под учебными корпусами. Однажды, воспользовавшись проемом в стене, он попал в помещение, заставленное устаревшей и разваливающейся научной аппаратурой. Здесь хранили оборудование для того, что станет потом Манхэттенским проектом. В центре комнаты стояла округлая зеленая машина – то был ускоритель частиц, странный предмет исключительной исторической ценности, спрятанный, как выяснилось, всего в шаге от нас.

Подземный мир увлек Стива, и он быстро сменил основную специальность с инженерного дела на историю развития городов. В перерывах между занятиями он начал исследовать железнодорожные туннели, потом, надев бродни, стал спускаться в канализацию и вскоре уже забирался на висячие мосты, с вершины которых снимал фотографии, словно сделанные в полете; ему удалось запечатлеть дух города. За несколько лет Стив стал «подпольным» историком и фотографом Нью-Йорка; он досконально изучил инфраструктуру

⁴ Университет Колумбия в городе Нью-Йорк – один из самых известных вузов США. Основан в XVIII веке, входит в Лигу плюща, его сотрудники присуждают Пулитцеровскую премию. Именно в его стенах сформировались так называемые «битники». – *Примеч. переводчика.*

города. (Департамент охраны окружающей среды, контролирующий состояние городской канализации, время от времени пытался привлечь Стива к сотрудничеству, несмотря на нелегальные методы работы.) Стив представлял собою нечто среднее между «ботаником» и злоумышленником из старых фильмов: худой, борющийся с дефектом речи (печальным наследием отрочества), он пил как портовый грузчик, а его хулиганскую улыбку отмечали многие интересные женщины. В целом он держался с каким-то героическим самодовольством. В юности у него диагностировали редкую форму рака кости с локализацией в ноге; тогда он едва не лишился жизни, а потому теперь делал всё быстро и энергично. Он мог весь вечер объяснять вам значения аббревиатур на канализационных люках города или рассуждать о силе потока в европейской системе водоотведения в XIX веке, а потом выйти на улицу и ввязаться в пьяную драку.

В тот день мы перемещались зигзагами, между канализационными решетками – от одной до другой, светя себе фонариками и прослеживая путь трубы под землей. Пока мы шли, Стив рассказывал о мозаике подземных систем города с почти религиозным пылом. Нью-Йорк представлялся этому энтузиасту гигантским, изменчивым организмом со множеством «щупалец»; обитатели надземного мира видели только крошечную его часть. Вновь познакомить людей с потайной стороной мира – вот что мой новый друг считал своей миссией: он хотел бы, чтобы крышка каждого люка в городе

была стеклянной – и горожане могли в любую минуту заглянуть в подземелье.

Стив рассуждал: «Большинство людей живут в двух измерениях. Они и не представляют, что находится у них под ногами. Когда ты видишь, что там, под землей, ты понимаешь, как устроен город. Ты осознаёшь свое место в истории, свое место в мире».

Этот человек стал для меня инкарнацией Гермеса, взгляду которого была доступна параллельная топография. В книге стихов Уолта Уитмена «Листья травы» (*Leaves of Grass*, 1855, доп. 1891) есть слова: «Мне думается, в тебе много такого, чего не увидишь глазами...»⁵ Стив видел невидимое – и я тоже хотел это увидеть.

МОЙ ПЕРВЫЙ СПУСК БЫЛ СПОКОЙНЫМ – то была прогулка по Вестсайдскому туннелю, который известен краеведам и граффитистам как «туннель Свободы» и проходит под парком Риверсайд в Верхнем Вест-Сайде (Манхэттен). Его протяженность – примерно 2,5 мили.

Однажды летним утром я пробрался в щель, оставленную в сетке-рабице около 125-й улицы, и направился в туннель. Его ворота были огромными, не меньше двадцати футов в высоту и вдвое больше – в ширину. Внутри не было тем-

⁵ Строка из стихотворения «Песня большой дороги» (*Song of the Open Road*, 1856): «I believe that much unseen is also here...». Перевод К. Чуковского. – *Примеч. редактора*.

но, скорее сумеречно: сливные решетки на потолке, расположенные в нескольких сотнях футов друг от друга, подобно окнам собора, пропускали сюда столпы мягкого света. Я отправился на неспешную прогулку через центр Манхэттена и, разумеется, будто во сне, не встретил ни одного человека.

Дойдя до середины пути, я увидел огромное граффити, более сотни футов в длину. Имя его автора совпадало с названием туннеля – Фридом⁶. Я стоял у противоположной стены, любясь картиной, которая, казалось, дрожала в тусклом свете. Подул легкий ветерок и донес до меня далекие гудки машин на Вестсайдском шоссе, смешивающиеся с пением птиц в парке.

⁶ Freedom – *англ.* «свобода». – *Примеч. переводчика.*



Уилл Хант

И вдруг я увидел яркий прожектор поезда, надвигающийся на меня из глубины. Прильнув к стене, я почувствовал сильный гул под ногами, а дальше всё произошло одновременно: вспышка света, ураганный ветер, рев, от которого – я почувствовал – у меня завибрировала грудная клетка. Ситуация не была опасной – от путей меня отделяло как минимум пятнадцать футов, – но, пока я стоял там, прижавшись спиной к стене, меня била дрожь, а голова горела.

Когда вечером я поднялся на поверхность после первого спуска и перебрался через забор неподалеку от Гудзона, мне показалось, что мое отношение к Нью-Йорку начинает ме-

няться. На поверхности я никогда не отклонялся от маршрута «работа – дом», воспринимая город в этой узкой перспективе; но теперь, под землей, я вышел за эти рамки и, как мне показалось, впервые ощутил подлинный дух Нью-Йорка. Я чувствовал себя так, словно меня разбудило неожиданное прикосновение к душе города.

Спускаясь в подземелье, в «чрево» мегаполиса, я пытался доказать себе, что это мой город, что я *знаю* Нью-Йорк. Мне нравилось рассказывать друзьям, родившимся и выросшим на Манхэттене, о старых подвалах, что располагались под их районом и о которых они не имели понятия. Мне нравилось, что в подземных коридорах мне попадались приметы городской среды, невидимые на поверхности: фрагменты старых граффити, трещины в фундаменте небоскребов, экзотические виды плесени, покрывающей стены, газеты, напечатанные десятки лет назад, смятые и забитые в щели. Нью-Йорк поручал мне свои секреты: я перебирал содержимое потайных ящиков, читал личные письма.

Однажды ночью – мы находились неподалеку от Нью-Йоркской военно-морской верфи в Бруклине – Стив огородил канализационный люк оранжевыми строительными конусами и с помощью железного крюка открыл крышку, из-под которой вырвалась струя пара. Мы спустились вниз, попеременно хватаясь за очередную липкую ступеньку лестницы, и прыгнули в коллектор: он был около двенадцати футов в высоту, в центре журчала зеленоватая вода. Воздух

был теплым; мои очки моментально запотели. Я на минуту остановился: мне преградили путь длинные, склизкие нити бактерий, свешивающиеся с потолка (исследователи подземелий любовно называют их «сосульками из соплей»), — но в целом коллектор не произвел столь отталкивающего впечатления, к которому я был готов. Здесь пахло не фекалиями, а скорее землю, как в сарае на старой ферме, где хранятся удобрения. В свете фонариков были видны глинистые отмели, похожие на песчаный берег реки; на них росли крошечные колонии грибов-альбиносов. В сезон миграции здесь плавали угри.



Стив Данкан

С зеленым потоком, сообщил Стив, смешивается ручей Уоллабаут, впадающий в одноименную бухту в том месте, где сейчас расположена военно-морская верфь. Ручей виден на карте 1766 года, но с ростом города и появлением новых районов его загнали под землю, и он стал невидимым.

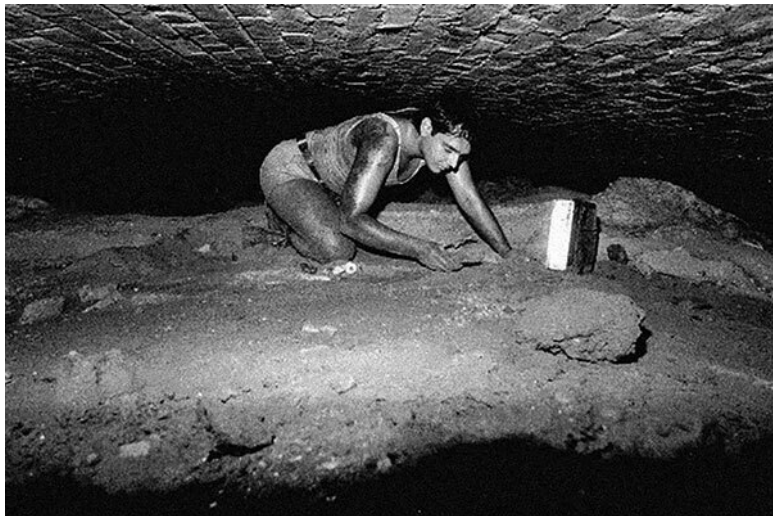
Видимый всем Нью-Йорк ежедневно предстает перед нами как примитивное и неутомимое существо: грохочущее, рычащее, извергающее пар и толпы людей из разных своих частей. Но здесь, в подземелье, когда под моими ногами тихо журчал один из его древних ручьев, этот зверь казался умиротворенным, даже ранимым. Встреча с новой его ипостасью была очень интимной и даже вызывала чувство стыда, словно я наблюдал за спящим.

Было уже больше трех часов утра, когда по той же лестнице мы вылезли из люка на холодный, бодрящий воздух города. Проезжавший мимо велосипедист резко свернул в сторону, чтобы избежать столкновения. Его занесло, он развернулся к нам лицом. Переводя дух, он спросил: «Ребята, вы кто такие?»

Стив распрямылся, выпятил грудь, как будто выходил на сцену, потом откинул голову назад и продекламировал строки Роберта Фроста:

*Ручей в канализацию загнали,
В бетонную вонючую тюрьму,*

*В которой век течь суждено ему,
Чтоб люди новые о нем не знали.
Примерно он наказан ни за что...⁷*



Тоннель под Атлантик-авеню; © Bob Diamond

С каждым спуском в подземелье город раскрывался мне с новой стороны; выдавал очередной свой секрет, чтобы заманить еще глубже. Когда я ехал в метро, то смотрел из окна и фиксировал расположение проемов в стенах, которые потенциально могли вести на заброшенные платформы, или

⁷ Строки из стихотворения «Ручей в городе» (A Brook in the City, 1923). Перевод В. Бетаки. – *Примеч. переводчика.*

«станции-призраки», как их называют граффитисты. Я прослеживал течение подземных ручьев и искал места, где, приложив ухо к канализационной решетке, можно было услышать лепет воды под поверхностью земли. В моем платяном шкафу гордо занимали свое место бродни и пропитанная грязью одежда, а в рюкзаке всегда лежал налобный фонарик. Я стал передвигаться по городу всё медленнее и медленнее, останавливаясь, чтобы заглянуть в вентиляционные шахты метро, канализационные люки и котлованы, пытаюсь собрать единую картину его «внутренностей». Моя когнитивная карта Нью-Йорка теперь напоминала коралловый риф, испещренный потайными впадинами, секретными проходами и невидимыми углублениями.

Некоторое время я передвигался по городу в состоянии, близком к трансу, представляя себе, что каждый колодец, каждый темный лестничный пролет и уличный люк – это портал на другой уровень города. Я обнаружил дом из темного песчаника в районе Бруклин-Хайтс, который внешне ничем не отличался от своих соседей по кварталу, за исключением двери из промышленной стали и завешенных окон: то была замаскированная вентиляционная шахта, ведущая прямо в метро. На Джерси-стрит в Сохо я нашел старый люк, который вел в старинный туннель под названием Кротонский акведук. Здесь в 1842 году четверо мужчин спустили на воду небольшую деревянную шлюпку «Кротонская дева» и в крошечной тьме отправились в подземное путешествие

длиною сорок миль, от хребта Катскилл⁸ до Манхэттена. Я посетил железнодорожный туннель под бруклинским Атлантик-авеню; он был заброшен в 1862 году и вновь открыт в 1980-м, когда местный житель по имени Боб Даймонд, парень девятнадцати лет, спустился в люк и обнаружил это гигантское, гулкое пространство. (Открытие вызвало лихорадочный, хотя и недолгий интерес горожан; на какое-то время эта улица стала меккой для фотографов, страстно желавших запечатлеть, как юный Боб пробирается по забытому туннелю.) На одном из островов Бронкса я присоединился к группе кладоискателей, разыскивавших сверток с выкупом, который якобы зарыл там похититель сына Чарльза Линдберга⁹. Я проверял слухи, утверждавшие, будто в системе метро есть потайные погребальные комнаты, стены которых были украшены росписью, которой несколько сотен лет; там якобы так давно не ступала нога человека, что, если повесить голос, с потолка посыплется песок. В Мидтауне¹⁰ я искал старинное здание, в подвале которого, по преданию, находился специальный лаз, выходящий к реке, вернее, к постоянному

⁸ Горы Катскилл (Катскильские горы) – хребет на юго-востоке штата Нью-Йорк. Согласно легенде, именно здесь двадцать лет проспал Рип ван Винкль. – *Примеч. редактора.*

⁹ Речь идет о нашумевшем деле начала 1930-х годов, в ходе которого был похищен и убит полуторагодовалый сын видного американского авиатора Чарльза Линдберга. – *Примеч. редактора.*

¹⁰ Мидтаун (Midtown Manhattan) – Средний Манхэттен, один из трех крупнейших боро Манхэттена. – *Примеч. редактора.*

месту рыбалки местных пенсионеров. Я так часто рассказывал друзьям о своих вылазках, что они уставали всё это слушать. На прогулках по городу они только вздыхали, когда я начинал перечислять всё, что находится под нашими ногами прямо сейчас. Но теперь я уже не мог остановиться.



Стив Данкан

Дальнейшие путешествия стали настолько рискованными, что даже меня самого удивляло собственное безрассудство. Глубокой ночью, добравшись до конца платформы метро, я

перешагивал знак, запрещающий заходить дальше, пробирался по козырьку, потом спрыгивал на пути; там было темно, как в дымоходе, а летом еще и жарко, как в доменной печи. Поначалу я спускался в подземелье вместе с кузеном Расселом: двигаясь перебежками в темноте, мы чувствовали легкое движение воздуха, которое сменялось низкочастотной вибрацией под нашими ногами. «Поезд», – шептал кто-то из нас. Мы слышали, как срабатывал переводной механизм, после чего из-за поворота показывался огромный прожектор, высвечивающий стену туннеля: мы спешно залезали на козырек, потом втискивались в нишу, служившую запасным выходом, а в это время мимо нас с ревом проносился состав, вызывая воздушную волну, которая могла сбить человека с ног. Вскоре я стал спускаться в одиночестве, то были спонтанные вылазки, вызванные минутным желанием. Вечерами, ожидая поезд после вечеринки или долгой работы в библиотеке, я мог видеть, как он приближается к платформе, но в последнюю секунду я принимал решение не заходить в вагон и следовал за ним в темный туннель. Не раз я чудом уходил от опасности и столкновения, видел синие искры, вылетающие из-под колес мчащейся глыбы, и от шума на время терял слух. Поздно вечером я шел домой, не чувствуя земли под ногами. Щеки покрывала металлическая пыль: я оставался самим собой и одновременно наблюдал себя со стороны, будто проснувшись во время сновидения.

Однажды меня заметил контролер поезда, и, поднимаясь

на платформу, я обнаружил, что меня ждут двое сотрудников Департамента полиции Нью-Йорка: молодые доминиканцы, один низкорослый и грузный, другой – высокий и худощавый. Мне заломили руки, прижали к стене и вытряхнули содержимое рюкзака на землю; у полицейских были все основания, чтобы задержать меня, но они решили не тратить со мной время. Поднявшись на улицу, я сел на скамейку: мне было неприятно и обидно, к тому же я хорошо понимал, что, не будь я белым, сидел бы себе сейчас в каком-нибудь веселом месте, позвякивая наручниками. И даже возвращаясь тем вечером домой, я останавливался по пути, заглядывая в канализационные решетки и люки.

Порой мне встречались «люди-кроты», бездомные, живущие в скрытых от глаз уголках города. Однажды ночью наша компания (я, Стив, Рассел и еще несколько энтузиастов) познакомилась с женщиной по имени Бруклин, которая прожила под землей тридцать лет. Ее лицо было изрыто оспинами, на голове громоздилась высокая прическа из дредов. Свое жилище она именовала «йглу», оно находилось в нише туннеля, скрытой от посторонних глаз. Обстановку составляли матрас и несколько колченогих предметов мебели. Был день рождения Бруклин: мы передавали по кругу бутылку виски, именинница исполнила попури из песен Тины Тернер и Майкла Джексона, и какое-то время всем было весело. Но настал момент, когда что-то пошло не так, пение Бруклин превратилось в глоссолалию, и, кажется, она начала галлю-

цинировать. Тут откуда-то вернулся ее парень – почему-то его тоже звали Бруклин, – и они начали спорить и кричать друг на друга.

Со временем я перестал рассказывать семье и друзьям о походах в подzemелье – мне было всё сложнее отвечать на их вопросы, сводящиеся, по существу, к одному-единственному: что я искал там, внизу?

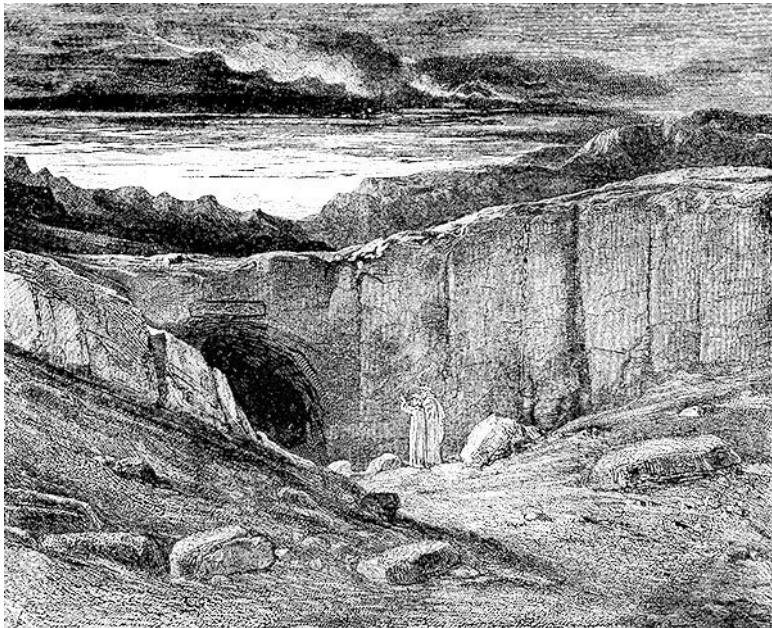
«Я ПОКАЖУ ТЕБЕ ОДНУ ВЕЩЬ, – сказал мне как-то Стив. – Обещай: никому ни слова».

Было около двух часов ночи, мы покидали вечеринку где-то в Бруклине. Стив провел меня ко входу в метро, потом вниз по козырьку. Я шел прямо за ним, и внезапно он исчез в темноте. Только услышав его голос, я понял, что он проскользнул в скрытый в стене проем. Я прошел следом и оказался в темном и пустом помещении. Это было одно из сакральных мест нью-йоркской подземки, огромное и гулкое, отделенное от обычной жизни тончайшей мембраной и тем не менее полностью невидимое.

Стив провел меня на середину комнаты и направил фонарик вниз. Пол устланы прямоугольные керамические плитки, каждая примерно шесть на четыре фута, они были покрыты густой пылью. Мы подули на них, и вверх взвилось облако пыли. Под ее слоем оказалась карта. Точнее, перерисованная карта метро Нью-Йорка, та самая, которая висит на стенах каждой станции в городе, с массивными, бе-

жевыми силуэтами Бруклина и Манхэттена и железнодорожными ветками, змеящимися через бледно-голубой пролив Ист-Ривер. Но вместо знакомых достопримечательностей на карте были изображены невидимые: «ветераны» городских исследований Нью-Йорка, в течение многих лет нелегально изучавшие город, прикрепили к карте фотографии, которые указывали на расположение канализационного коллектора, акведука, станции-призрака или какого-то другого места, скрытого от наших глаз. Во мраке тайной комнаты я восторженно изучал карту подземного города: то был своеобразный памятник всему тому, что я искал, годами исследуя подземный Нью-Йорк. И в то же время я чувствовал странное отчуждение от этого восторга, словно он исходил из той части сознания, что не вполне была мне знакома.

Именно тогда, стоя в пыли глубоко под землей, я начал размышлять над тем, как мало знаю о собственной связи с подземным миром. Даже так: о том, как мало я понимаю в отношениях человечества с этим миром, в отношениях, уходящих в глубь веков.



Гюстав Доре

Как-то раз, во время прогулки по Тоскане, Леонардо да Винчи, миновав гряду валунов, оказался перед входом в пещеру. Он какое-то время простоял здесь, сосредоточившись на том, как прохладный ветерок обдувает его лицо, и, глядя в темноту, понял, что путь дальше – только вниз. «Внезапно во мне пробудились два чувства: страх и желание; страх перед грозной и темной пещерой, желание увидеть, нет ли

чего-то чудесного в ее глубине»¹¹.

Мы, представители рода человеческого, обитали рядом с пещерами и подземными пространствами всё то время, что существуем на планете, и всё то время они вызывали в нас глубокие и неоднозначные чувства. Эволюционные психологи утверждают, что самые древние родственные взаимоотношения между нами и первозданной природой никогда не исчезают совершенно: оставаясь частью нашей нервной системы, они проявляются в бессознательных порывах, в инстинктах, которые управляют нашим поведением. Эколог Гордон Орианс называет эти атавизмы «эволюционными призраками минувших ландшафтов». На прогулках по подземному Нью-Йорку всякий раз, заглядывая в темный туннель или канализационный люк, я сталкивался с собственными фантомами сознания, унаследованными от моих предков, которые когда-то давно впервые спускались в темную пещеру...

Под землей мы... инопланетяне. В результате естественного отбора люди – во всех отношениях, от метаболических потребностей до решетчатого строения глаза и структур нашего студенистого мозга, – существа, приспособленные для поверхности, *не для* подземного мира. «Темная зона» пещеры (научное название частей пещеры, расположенных даль-

¹¹ Цит. по: *Любимов Л. Д.* Искусство Западной Европы. Средние века. Возрождение в Италии: Книга для чтения. М.: Просвещение, 1976. – *Примеч. переводчика.*

ше «сумеречной зоны», куда доходит рассеянный свет) – это «прóклятый дом» природы, вместителище наших древнейших страхов. Тут с потолка свешиваются змеи, бегают пауки размером с чихуахуа, в углах таятся скорпионы – существа, страх к которым заложен в нас биологически, ведь так часто они убивали наших предков. Еще пятнадцать тысяч лет назад в пещерах по всему миру жили пещерные медведи, пещерные львы и саблезубые тигры. Лишь в самые недавние мгновения человеческой истории мы отучились, подходя к пещере, мысленно готовиться к встрече с чудовищем-людоедом, которое вот-вот прыгнет на нас из темноты. Но и теперь, заглядывая в подземелье, мы ощущаем отголосок страха: а вдруг в темноте могут скрываться хищники?

По мере того как мы эволюционировали для жизни в африканской саванне – при дневном свете мы занимались охотой и собирательством, а ночью нас преследовали хищники, – темнота продолжала нас пугать. Но мрак подземелья – «слепого мира», как назвал его Данте, – мог окончательно разрушить наше сознание. Первые европейские исследователи пещер, пришедшие в эпоху Нового времени, полагали, что длительное пребывание в темноте под землей может навсегда лишить рассудка. Вот как один из авторов XVII века описывает спуск в пещеру в английском графстве Сомерсет: «В какой-то момент мы стали опасаться таких прогулок, – ибо, войдя [в пещеру] в состоянии беспечности и радости, возвращались мы в задумчивости и печали, и более никто

из нас не смеялся, пока был жив». Оказалось, что порой так оно и бывает: ученые-неврологи называют множество факторов, в силу которых продолжительное нахождение в полной темноте провоцирует психологические отклонения. В 1980-х годах, во время экспедиции в грот Саравак в Национальном парке Мулу на острове Борнео, спелеолог, войдя в гигантское пространство – одну из самых крупных пещер в мире, размером с семнадцать футбольных полей, – потерял из виду ее свод. Во время передвижения в кромешной тьме его парализовал шок, из грота его выводили товарищи по экспедиции. Спелеологи называют подобные вызванные темнотой панические атаки «экстазом».

Человек также с трудом переносит замкнутые пространства. Заточение в подземелье, в ситуации, когда движения ограничены, нет источника света, а запасы кислорода иссякают, – вероятно, самый жуткий из кошмаров. Древнеримский философ Сенека однажды описал спуск под землю экспедиции по поиску серебра. Искатели столкнулись с явлениями, заставившими их «трепетать от ужаса»: в частности, с тревогой, вызванной осознанием того, что толща земли «нависает над головами». Этому же мнения придерживался Эдгар Аллан По, певец клаустрофобии; вот как он рассказывал о заточении под землей: «Решительно ни при каких иных условиях нельзя представить себе таких невероятных душевных и физических мук... Нестерпимо теснит в груди, душшливы испарения сырой земли, всё тело туго спеленато

саваном; со всех сторон сомкнуты твердые стенки последнего приюта, тьма вечной ночи, и всё словно затоплено морем безмолвия...»¹². В любом подземном пространстве, даже если нас не охватывает острый приступ паники, мы, по крайней мере, рефлекторно ощущаем: «что-то не так» – и представляем себе, как стены и потолок надвигаются на нас.

В конечном счете, сильнее всего мы боимся смерти: наша нелюбовь к темным пространствам, приобретающая разные формы, – не что иное, как выражение ужаса перед осознанием собственной конечности. Наш человеческий вид хоронит своих мертвых в «темной зоне» пещер уже как минимум сто тысяч лет, согласно археологическим находкам в пещере Кафзех в Израиле, а наши предки, неандертальцы, занимались этим намного дольше. Образ царства мертвых, имеющий место во всех религиях мира: пещеры, где бесплотные тени парят в вечной темноте, – напоминает именно эти места. Даже в зонах рельефа, где никаких пещер не было и нет, а местные жители ни в какой форме не соприкасаются с подземным пространством (что в пустыне Калахари, что на сибирских равнинах), веками передаются мифы о вертикальном устройении вселенной, в которых подземное пространство населено дүхами. Каждый раз, переступая порог пещеры, мы словно бы предчувствуем собственную смерть –

¹² См.: По Э. А. Преждевременные похороны / перевод В. Неделина // По Э. А. Полное собрание рассказов. СПб.: Кристалл, 1999. С. 708–721. – *Примеч. переводчика.*

что однажды она наступит, – в общем, соприкасаемся именно с тем, чего мы биологически запрограммированы избегать.

И тем не менее, постояв какое-то время у входа в подземелье, мы всё же спускаемся вниз. В ходе той прогулки по Тоскане Леонардо да Винчи также вошел в пещеру. (Внутри одной из стен, в глубине «темной зоны», он обнаружил останки кита: это воспоминание будет преследовать и вдохновлять его всю жизнь.) Почти в каждой доступной для исследования пещере на планете есть следы наших предков. Пробираясь на животе по грязным проходам в пещерах Франции или по протяженным подземным рекам Белиза, прошагав многие мили в известняковых пещерах штата Кентукки, археологи везде находили окаменелые следы древних людей: сквозь каменистые проломы они спускались под землю, в темноту, светя себе сосновыми факелами или масляными лампами. Наши предки оказывались в чуждой для себя среде, полностью оторванные от всего, что было знакомо им на поверхности: мир был темнее самой мрачной ночи, грохотало эхо, а из-под ног поднимались острые сталагмиты, похожие на клыки чудовищ. Путешествие в «темную зону», возможно, является древнейшим из ритуалов человечества, ему сотни тысяч лет, а археологические свидетельства относят его к эпохе, предшествующей человеку разумному. «Ни одна отдельно взятая традиция, – отмечает исследователь фольклора и мифологии Эванс Лансинг Смит, – не объединяет че-

ловечество так же, как спуск в подземный мир»¹³

¹³ Эванс Лансинг Смит – младший коллега и соавтор более известного в России Джозефа Кэмпбелла. – *Примеч. редактора.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.